

Анатолий Агарков

ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО КРАЯ

БАЙКИ У КОСТРА

Электронная версия

Анатолий Агарков

**Легенды нашего
края. Байки у костра**

«Автор»

2023

Агарков А.

Легенды нашего края. Байки у костра / А. Агарков — «Автор»,
2023

Южный Урал... Граница Европы и Азии. Рубеж культур Востока и Запада. Заповедный край природных аномалий. Чтобы объяснить непонятное, чего только люди не выдумывают:- в пещере Титичных гор, где по слухам скрыт пугачевский клад, существует провал во времени;- на дне озера Круглое есть калитка на Тот Свет;- Живая Вода Оленичева способствует реинкарнации;- после купания в озере Горьком снятся фантастические сны;- над озером Чекарево однажды зависла летающая тарелка...Как вам такая версия преступления – домовый зарубил свою хозяйку из ревности?Читайте, скучно не будет...

© Агарков А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Лукоморье	5
Случай со студенткой	13
Ночь, кладбище, кошмары	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анатолий Агарков

Легенды нашего края. Байки у костра

Лукоморье (притча-шутка)

*Самое неизлечимое горе – воображаемое.
(Мария фон Эбнер-Эшенбах)*

Давно это было. В те стародавние времена, когда по окраинам государства Киевского голодными волками рыскали кочевые народы. Для защиты селян и собственного покоя посылал князь в порубежье ратников, заставы ставил. В бесчисленных стычках с вороватыми соседями, которых и соседями-то назвать стыдно, рождалась слава былинных героев и на крыльях молвы далеко разносилась по русским весям. На посадах слагали песни о них. Сам князь киевский Владимир Красно Солнышко пригласил с заставы к столу на именины лучших из лучших – Алёшу Поповича, Добрыню Никитича и Илью Ивановича по прозвищу Муромец.

Византийский басилев посла с подарком прислал. Посол таксебешный – перстней больше, чем пальцев, да борода крашена. А вот подарком угодил. Отменный дар – баба голая, как живая, только из мрамора. Материал сей на Руси не сыскать, да и в Царьграде, должно быть, редкий – настолько, что на руки красоте его не хватило. Не опечалился ущербу князь – с бабы мраморной глаз не сводит, а на жёнку глянет свою да омрачится. Посла византийского чисто задарил – и на пиру ему красно место, и медовуху в его кубок лично подливает, и девки княжьи для него пляшут, и скоморохи вертятся, и былинщики были поют....

А за боярским столом шепоток растёт. Ну, на то они и советники княжьи, чтоб серчать да завидовать. Подзывают княжью челядь и приказывают: «На стол дружинный медов не жалеть, а в пище ограничить». И покатилося веселье за последним столом.

Раздухарился Илья Иванович по прозвищу Муромец:

– Всех перепыю, всех поборю. Ендовы мало, и жбана мало – дайте бочку – осушу. Потом бороться желаю. Людишки слабы – тащите медведей из зверинца княжьего.

– Уймись, Илюха! – теребит его за рукав Добрыня и гостям. – Вы не подумайте чего. Ну, десяток-другой мужиков сломает – так что по пьянке не бывает? А так он добрый – уж поверьте мне.

И ну народ целовать. Сперва он девок, меж столов сновавших, ловил и в уста сахарные челомкал. А потом всех подряд почал.

Народишко-то поначалу нехотя отмахивался:

– Уймись, Добрынюшка. Будет тебе, Никитич.

А потом опасаться начал – уж не поменял ли богатырь пристрастия к бабскому полу на противоположные? А Добрыню будто прорвало – по рядам пошёл. Словит кого – облапит и мокрыми губами к лику льнёт. Срамотно со стороны-то глядеть.

Тут Муромец таки допил поставленную бочку, да как хватит ею о стену палаты – она вдребезги. Бочка, конечно – палаты-то каменные. Щепками пирующих засыпало. Князь в то время посла упившегося в покои провожал, а боярам шибко досталось. Кинулись толстобрюхие в двери, а там Добрыня лапища расшпалерил – кого словит, сразу целовать. Это от избытка доброты у него чувства наружу пёрли, а народу-то невдомек.

Алёша Попович за шумком-то девку греческую под стол сволок и ну над ней измываться. Краса цареградская горда, на своём стоит, но и Алёшенька не зря богатырём слывёт – титички мраморные с жопкой в глину измял, а потом поднапрягся и овладел-таки девкой. После сих трудов – далеко не ратных – на ней же и заснул богатырским сном.

Тем временем, грохнулся спиной на стол Илюха Муромский: оборола таки бочка меда богатыря – не до медведей стало. Упал на стол – сломал его. Стол дубовый – да спина-то богатырская. Захрапел Илюха так, что ставенки жалобно запели: скрип-скрип, скрип-скрип....

– Люблю я вас, люди! – возвестил Добрыня опустевшей палате.

Да уж некому было слушать.

Положил Никитич щёку на длань богатырскую и задудел в ноздри погромче Поповича да потише Муромца.

В гнев ярости пришёл князь Владимир Красно Солнышко, обнаружив разгром гостевой палаты и надругательство над басилевым подарком. Приказал схватить упившихся богатырей, раздеть до срама, побросать в телегу да отвезть за Дикое Поле на берег сурожский, чтоб возврата им в Киев больше не было.

Три дня и три ночи длится богатырский сон. Три дня и три ночи насмерть перепуганные возницы гнали лошадей на окраину земли Киевской и далее. А когда пересекли ковыльные степи, бросили груз под сень дуба и поворотили коней в обратную дорогу.

Холодным языком облизал морской туман нагие тела, и проснулись богатыри. Осмотрелись – подивились: пейзаж вокруг здорово поменялся. Это каким же ветром занесло их в края неведомые не только без доспехов, но даже и без исподнего? Ничего не поймут – вспомнить тужатся. Решили – пропились вдрызг да сбежали на порубежье.

В другое-то время было бы в квас лежать на песочке, вдыхая ароматы прибоа, и бесконечно болтать – чай не мечом махать. Но сейчас.... Они хоть и богатыри, но не в силах переделывать открывшийся мир. А тут будто заново родились – ни одежды, ни доспехов. На расстоянии, которое хватал глаз, нет никого, на ком бы можно было проявить свои амбиции богатырские. Грустно стало. Лениво гоняя вокруг дуба неторопливые мысли, богатыри незлобиво переругивались, отравляя воздух смрадом перегара. В основном на Алешу бородатые нападали – принаряженный и в доспехах он выглядел несколько по-иному. Сейчас перед ними сидел белокрысы одуванчик и вызывал странные чувства.

– А так ли уж ты силен, каким хочешь себя показать?

– Скорее хвастлив да уверток – ведь хитростью, признайся, извел ужа из Тугарина.

– Чего прицепились? – отбивался Попович.

Илюха голову к нему поворотил:

– А может ты что у князя натворил? А ну, признавайся!

– Ничего я там не творил, – покраснел поповский сын. – Вечно вам что-то блазнится.

– Алексей, – Добрыня могучей лапой придавил молодое плечо. – Ты меня не обманешь: я тебя знаю хорошо. Ну-ка, рассказывай....

– Ничего я там не творил. Просто, пока вы меды распивали, я с девкой мраморной забавлялся. Ругайтесь теперь, коль самим не дано красу бабскую познать!

Богатыри насупились – как это в голову ему пришло? Поистине Алешенька-молодец – кладезь сюрпризов! Надо бы отвезть похотника на княжий суд и милости себе попросить.

– Так и пришло, – оправился от смущения Попович. – Я-то думал, она живая, только упертая сильно.

Молодой богатырь принялся безудержно болтать, описывая свое любовное приключение под княжьим столом с басилевым подарком. Старшие морщатся – ну, просто степняк поганый, у которого баба вместо вещи!

– Как теперь – жаниться-то думаешь? – на полном сурьезе спросил Илья Муромец.

– Да рази князь за такого отдаст? – усомнился Добрыня.
Попович вытаращил глаза.
– Чего? На девке-то мраморной?
– А как сильничал немраморная была?
– Дак она ж безрукая – как в хозяйстве с такой?
– Твои дела, – был суров суд Добрыни.
– Все, решено! – сказал Илья Муромец. – Едем в Киев сватами.
– Фигушки! – Попович изладил пальцами неприличный жест. – Вы поезжайте, я тут оста-
нусь.
– Оставайся. Князь отдаст – сюда притараним невесту твою, – не уступал Илья.
– Как же ты здесь один будешь жить? Чем питаться станешь? – переживает Никитич.
– А вот так и буду, – сделав ладони лодочкой, Попович заорал во всю мочь. – Эй, кто-
нибудь! Дайте пожрать человеку!

И тут же на нижнюю ветку могучего дуба спрыгнул котяра черный:
– Нет никого тут кроме меня. Желудей без скорлупок хочешь отведасть?
– А ты кто такой? – опешили богатыри.
Тот отвечает тихо и немного торжественно:
– Кот Ученый.
– Ух, ты! – встрепенулся Попович. – Что-то я слышал от батюшки о дубе, на котором
цепь золотая, про кота... Ученый, потому что балакаешь по-нашему?
Кот степенно кивнул.
– А де сэп? – поинтересовался Илья Иванович.
– Вот и спрятал от лихих глаз.
Тут Добрыня:
– Слушай, кис-кис, желудей не надо – ты нам медовухи изладь.
– Не хватило вам на пиру?
– В том-то и дело, что сушняк после пиру.
Во взгляде дубового жителя появилось нечто упрямое.
– Не зря я зовусь Котом Ученым – кое-что понимаю в жизни этой. За столом на княжьем
пиру да в битве с оружием в руках вы – богатыри. А повернись к вам судьба, ну, вот как сейчас
– и вы сразу никто, и зовут вас никак.
– Не смей с нами в тоне таком! – вспыхнул Алексей сын попов.
– Не буду, – улыбнулся Кот. – Но что же вы намерены делать? В Киев вам дорога заказана,
да и не добраться нагишом до столицы.
– Сами не знаем, – вздохнул Добрыня. – Может, подскажешь?
– И подскажу, и научу – не зря ведь Ученым зовусь. Для начала уясните, что страда-
ния полезны всем – не только простому люду, но и князьям, боярам, богатырям.... Страдания
делают личность богаче. Скоро вы поймете, что ничего не потеряли, лишившись одежды и
места в дружине, а только приобрели....
– Кота болтуна?
Озорные искорки в глазах Ученого разом пропали:
– Ни тема для смеха.
– Ммм-да..., – промычал карачаровский богатырь, наблюдая напряженным взглядом за
клубящимися облаками. – Так за знакомство-то надо поднять! Как чуешь? – ведь гости же мы.
Али ты не русский будешь?

У Кота настроение совсем упало – будто ему хвост прищемили. Ну что тут скажешь?
Как втемяшить в эти пропитые головы разумное, доброе, вечное? Должно, не спроста явились
сюда, в чем мать родила – разрушить души его равновесие. А вдруг они и его приучат пить

или еще каким своим гадостям? Это тебе не сюси-пуси, это первейшие на Руси богатыри. Как тут миссию свою исполнять? С другой стороны – что делать, когда вокруг ни души: некому вековую мудрость ведать. Вот бы к князю ему, в советники! А?

Коту остро захотелось в свое одиночество:

– Извините, пора мне.

Забрался в дупло, свернулся калачиком и задумался. Ночь подошла...

Благостное движение ощутил Кот из дуба в себя – через лапы, через спину и даже через беспокойный хвост. Гудящие силы земли и неба вливались в него и растекались по венам, щекотали уши, покалывали в носу, выжимали слезы из глаз. Кот запрокинул голову и принялся смотреть из дупла в звездное небо. В голове стало легко и звонко. Предчувствие вдохновения заполнило целиком. Он зажмурился, и стихи полились:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том...*

Строчки рождались сами собой.

*Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...*

Кот выскочил из дупла и стал ходить вокруг ствола, ступая с ветки на ветку. Он вышагивал, а слова рождались одно за другим и становились в ровный строй пронзительно четкой строки:

*Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...*

Поэт хвостатый разволновался. Ему хотелось идти куда-нибудь, вышагивать, чеканя и чеканя драгоценные строки. Он спустился с дерева и мимо спящих богатырей зашагал к морю. Его одухотворенная морда с горящими в темноте глазами мелким встречным грызунам и насекомым казались исчадьем ада. Сам же Кот чувствовал отражение внутреннего света на своем мудром лице.

*Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя...*

Полуношный стихотворец резко остановился на линии прибоя, как будто ткнулся в стену невидимую – кому он что поведает? Берег пуст – хоть закричись. Но молчать нет больше сил. Он стал читать воде и небу рождающиеся прекрасные строфы:

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних...*

Он вздохнул и пошел вдоль берега, повторяя стихотворение. Каждая строка отзывалась в его душе – казалась правильной, единственно верной. Как лунный свет, льющийся с неба и нашедший пристанище на глади воды....

На дуб Кот взбирался с легкой душой. Он знал, что скажет завтра богатырям, к какому решению они придут. И что решение это будет верным – тоже знал.

Небо попыталось отговорить – к утру заморосил дождь. Сначала он с шелестом уронил на листья первые несмелые капли, а потом заторопился, забарабанил. Но дуб был могуч и высок – надежно прикрыл густой листвой от стихии спящих людей и скатерть-самобранку, которую расстелил подле них хлебосольный Кот, изощряясь в кулинарных изысках.

Алеша проснулся от шума дождя. Сквозь сон показалось, что шуршит плащ замшевый, который с него стягивает воровская рука. Вот и зябко стало. Богатырь пошарил вокруг рукой, но не нащупал ни плаща, ни похитителя и открыл глаза – дождь поливает, а он голышом. Посмотрел по сторонам и обомлел – скатерть под сенью дуба, и на ней яства покруче княжеских. Кошак подле в заливчатской позе – нога на ногу, а на переднюю мордой оперся и хвостом помахивает. Попович не поверил глазам своим. И ушам! Кот пел! А именно – мурлыкал что-то там достаточно мелодичное и даже слова можно разобрать:

*В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой...*

Алеша прикрыл глаза, желая избавиться от наваждения, но тут же снова открыл, не переставая удивляться собственному открытию. Чудно! Интересно, о чем это Кот поет? Откуда яства и щедрость Ученого?

В это мгновение, прервав храп на самой низкой ноте, вздрогнул и проснулся Добрыня Никитич. По изменившемуся дыханию, по тому, как зашевелились пальцы, сбиваясь в пригоршню для почесывания, можно было догадаться, что в следующую минуту очнется и Илья Иванович.

Судя по выражению богатырских лиц, среди них не было особо довольных тем, что творилось вокруг – дождь, стылость.... А вот закуска на скатерти – как само собой разумеющееся. Богатыри тут же набросились на еду, не поблагодарив хозяина, даже не сказав: «Доброе утро, уважаемый!». Скорей бы набить желудки свои.

Зеленые кошачьи глаза сверкнули искрами и погасли:

– Приятного аппетита!

– Сегодня ты правильный, – одобрил Алеша полным ртом.

Кот опустил глаза, не гася улыбки:

– Вкушайте, гостинечки дорогие!

Сердце дернулось в каком-то сладком предвкушении – ну, с Богом! Пока эти объедалы жрут, слушают вполуха, а уж думать-то вряд ли смогут...

– Что за напасть с тобой приключилась? – вдруг весело поинтересовался Илья Иванович, повертев перед ликом запеченную в острых приправах бычью ногу.

Кот Ученый облизал его взглядом, вбирая в себя суровые черты лица с бороздками морщин и подпалинами седины от висков к бороде и усам.

– Да напасть у нас общая, Илюшенька! Безлюдно тут из края в край, – для убедительности своих слов Кот кивнул на стену дождя, застившую горизонт.

Богатырь потер подбородок:

– Это верно. Сляпай нам струг – за море сходим, полонян притараним. Они нам град сварганят. Токмо сперва одежду каку, доспехи да бранный струмент справь, а за нами не станет – послужим.

– Нет! – Кот прыгнул на ветвь и заходил по ней боярином перед дворней. – Никаких набегов! В Киев пойдем – Вовку-князя с престола гнать! Или вы не богатыри первые на Руси? Как он посмел с вами вот так... на позор и посмешище выставить нагишом?

– Супостат, – согласился Илья.

– Вот новость! – удивился Добрыня.

Только Попович был осторожен:

– Рази можно нам с князем ссориться?

– Он с нами смог, – покосился Муромец на свой голый и волосатый, залоснившийся и округлившийся от обильного вкушения живот.

Богатыри заспорили, а Кот задумался, разлегшись на ветке.

Молчание кота сбило спорщиков с толку – они уже наелись, набрались и хотели услышать его слова. Даже начали волноваться: голод утолен, давай справу, мечи да приказывай – любую башку с плеч снесем.

– Дальше что? – наконец подал голос Илья Муромец.

– Насытились? – Кот махнул хвостом, и скатерть опустела. – Встань, Илюшенька, на самобраночку и подумай, какой наряд тебе для похода на Киев годится.

Уроженец села Карачарова добросовестно порылся в зарослях памяти, пробуя отыскать там что-нибудь этакое, о чем блазнилось сидячи на печи. Порылся-порылся и не нашел.

– Ну, что ты там телишься? – Алеша Попович бил пяткой в песок от нетерпения.

– Давай ты почни, – Илья Муромец шагнул в сторону.

Молодые глаза сверкнули азартом. Только шагнул на скатерть – бах! – сходит расфуфыренный сын боярский, жемчугами да бляшками золотыми от шапки до сапог сафьяновых усыпан.

– Спасибо, котик, уважил, – даже поклонился поясно. – Час ба в Киев, уж я ба там...

А тот улыбку в усах прячет.

– Следующий.

Бородатые поскромнее принарядились.

– Вооружайтесь, – требует благодетель.

Старшие в кольчуги, а Алешенька сверкающие позолотой доспехи вытребовал. В оружие первым делом лук попросил.

– Ох, и ленив же рукой махнуть, – ворчит Илья Муромец, а сам копьё (древко простая длань не обхватит) и булаву отмыслил.

Добрынюшка меч обоюдоострый:

– Уж я-то найду ему дело!

Нарядившись и вооружившись, затребовали коней своих, оставленных в Киеве. И получили – тех самых или очень похожих.

Вскочив в седло, Попович горделиво повертел головой:

– Ну, кто теперь скажет, что хвастлив да уверток я?

– Брат ты наш, – согласился Добрыня Никитич, а Илья Иванович промолчал.

Промолчал и молвил:

– Сбираясь на ратный подвиг, можно бы и...

И диво! – Кот не стал возражать, когда посереде скатерти вспучилась крутыми боками бочка пенной медовухи с плавающей в ней ендовой.

– Подсуетись, Алеша, – попросил Добрыня.

Попович с седла наклонился, зачерпнул в сосуд и, покосившись на хозяина, преподнес питье Илье Иванычу.

Пока богатыри крутились верхами вокруг бочки, Ученый вновь вернулся к своим мечтам и решил, что в принципе все возможно – нет такой силы на белом свете, способной противостоять этим тартыгам. Главное – не дать им выбиться из повиновения. Пусть лучше пьют, поют и смеются до поры – вот как сейчас! – а придет пора, то и покажут силищу свою против тех, на кого он укажет. Ему нетрудно было представить – богатырей в ярости и клочки врага по закоулочкам. О том, что делать дальше, в дупло домысливать пошел.

Богатыри пустили коней на выпас, сняли доспехи и прилегли головами на седла.

Кот утром вернулся с тоскою в глазах и нелепым приказом – вырвать дуб с корнем и забросить далеко в море на волю волн. Что его подвигнуло на сей приговор, осталось неизвестным богатырям. Но не ослушались – облапили мощный ствол с трех сторон, напряглись и вырвали дерево из земли вместе с корнями. Потом отнесли к морю и забросили далеко-далеко – аж до самого горизонта. В земле под его корнями обнаружилась цепь золотая о тридцати двух звеньях, толщиной в кулак – ну, баснословной цены и красоты неписанной.

– Эту куда?

– Сейчас, сейчас..., – суетился у самобранки Ученый Кот.

Своим хотением и ее подмогой сварганил большущего (в два конских роста) белого верблюда. Меж его горбов и повелел намотать цепь. Сам поверху уселся и дал команду:

– По коням! Нас Киев ждет!

Порушив дуб, богатыри остались возбуждены – глаза блестели, на лицах суровость, губы замочками, надутые. Словно что-то несут и боятся расплескать по дороге. Оседлали коней и пустились вслед за воеводой хвостатым. Ехали и молчали – даже Попович, который всегда заразительно хохотал, когда был весел или пьян, когда солнце светило и дождя не лило...

Молчат тартыги, чем же путь сократить? – думает Ученый Кот, и решил пока на музыку положить стих свой, надысь сотворенный. Сочинил мелодию и не просто мурлыкал себе под нос, а пел с упоением и во весь голос. Богатыри ж перебрасывались хмурыми взглядами, не вникая в суть – вот разбазлался, черт хвостатый!

Солнце, обойдя полукружьем землю, легло краешком на горизонт.

– Сейчас станем на ночлег, закажем вина, и будем пировать, – заявил воевода.

Но опять не услышал «Уррра-а!». Богатыри даже не улыбнулись, и на привале больше налегали на трапезу, усов с бородами не макнув в заморское пойло. А Кот, никогда прежде непимший, на радостях перебрал – затеял пляску подле костра, бубенцами над головой потрясая. Потом пытался обучить сумрачных воев игре в кости. Потом...

Спать совершенно не хотелось – потянуло его и на песни.

Рубиново светились угли костра, ночной ветерок снисходительно трепал дым.

Песнь о дубе у лукоморья, о сказочной стороне, где Русью пахнет, где леший бродит, русалка на ветвях томно сидит... ночной порой в степи бескрайней показалась Коту особенно значимой, полной таинственных полунамеков, животрепещущей интриги и до предела романтической. Он шибко расчувствовался.

– А можно то же, но веселей! – неожиданно громко сказал Алексей.

– Как? – автор и исполнитель с сожалением отник от душещипательного настроения.

Для начала Попович попросил медовухи – осушил ендову; угостил побратимов. Утробно рыгнув, потребовал гусли. Тронул струны и затянул тенорком:

*Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след...*

Спев куплет, Алеша оглянулся на бородатых – те грянули дружным басом:

*Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди...*

Алешенька крикнул от удовольствия и вновь прошелся по струнам.

*Здесь и вправду ходит кот,
Как направо, так поёт,
Как налево, так загнёт анекдот...*

– Хватит! – Ученый Кот подскочил со своего места. – Заткнитесь все!

Потом заходил вокруг костра, покачиваясь от выпитого вина:

– Я ни черта не понимаю! Так испохабить мое творение! Как вы посмели! Ироды!

Богатыри умолкли, пожимая плечами, не зная, что возразить – весело просто и все.

Коту захотелось рыкнуть на них воеводою, чтоб убоялись и затряслись, но из горла вырвалось только:

– Мур-р-р!

Не очень-то грозно. Он в отчаянии кинулся прочь. Вот оно – горе-то от ума.

Короче, случилась беда:

– сошел по пьяне Кот Ученый с ума и стал просто котом, до полевых охот;

– верблюд-подлюга (а как еще скажешь?) самобранку сжевал и с цепью убежал;

– проснулись утром богатыри, повздыхали за пропажу кота-верблюда-самобранки-цепи, коней оседлали и поехали в Киев к князю на службу обратно проситься...

Давно это было... В преданья старины глубокой записали повесть сию.

Но в Лукоморье до сей поры помнят Кота Ученого, богатырей и верблюда белого с цепью золотой, что блазнится счастьем, убегающим за горизонт.

Случай со студенткой

*Обстоятельства в такой же мере творят людей,
в какой люди творят обстоятельства.
(К. Маркс и Ф. Энгельс)*

Зимний вечер. На западе догорал и не мог догореть печальный закат. Наконец стемнело. Нагрянул незванный гость – северный ветер, закружил метель на пустынной улице. Вороха снега полетели вдоль домов, поползли позёмкой по тротуарам, сумасшедшие пляски затеяли под качающимися фонарями. Засыпало крыши и окна, за рекой метель бушевала в стонущем парке.

По улице шёл человек, подняв ворот длинного пальто и согнувшись навстречу ветру. Тёплый шарф плескался за его спиной, ноги шаркали и скользили, лицо секло снегом. Окна одноэтажных домов, закрытые ставнями, казались нежилыми – нигде не пробивался лучик света. А из этого, старого, добротной кирпичной кладки особняка через лёгкие занавески щедро лился свет на тротуар и заснеженную дорогу.

К нему и свернул человек.

У стены спинкой к окну стояла кровать. На ней поверх одеяла лежала девушка в опрятном ситцевом платье с книгой в руках. Она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо её не выражало интереса, глаза были равнодушные, синие с поволокой. Она опустила книгу на грудь, завела прядь волнистых волос за ухо и взглянула на подруг.

Девчата наряжались в театр и весело щебетали.

– Так то ж не танцы – кто в театрах-то знакомится?

– Ну и что! Думаешь, туда парни не ходят? Ходят, да ещё какие – интеллигентные.

– Ну и о чём, Зинуля, ты будешь с ними говорить?

– А я скажу: здарсьте, мне девятнадцать лет, я – студентка, пою, танцую, играю на гитаре – давайте дружить,

И запела:

– Ах, водевиль, водевиль, водевиль...!

Её подруга Вера, босоногая, в одной шёлковой сорочке, присела в жеманном реверансе перед зеркалом, заговорила в нос и картаво:

– Театр? Ах, как это несовременно, господа. Там актёры со скукой и отвращением смотрят в зал пустыми глазами и прямо на сцене пьют водку....

– Кто это сказал?

– Читала....

Девчата хохочут, спуют по комнатам, заканчивая сборы. По оконным занавескам мечутся их тени.

– Ты, Людочка, не скучай – мы скоро придём. Крепко не спи и не забудь лекарство перед сном.

У девушки с книгой на ресницах выступили слёзы. Она смахнула их украдкой, легла на бок, подперев рукой щеку. Молчала и слушала.

– Бойкая ты, Зинка, – говорила Вера, зажав шпильки в зубах. – А вдруг нарвёшься на какого-нибудь маньяка-убийцу?

– Мой час ещё далёк – отметка не сделана. А умирать пора придёт, всё равно не отвертись: муха крылышком заденет – хлоп и помер.

Чайник закипел на электроплитке. Люда сняла его и опять легла. Уже давно ей чудился какой-то шорох за окном. Было так грустно и весело смотреть на девчонок, что не вслушивалась, думала – выюга. Но тут явственно услышала – скрипнул снег под чьими-то ногами.

Девушка быстро откинула угол занавески и прильнула к стеклу. Под перекрещивающимся светом из дома и от уличного фонаря прямо под окном увидела Люда седого большелобого старика, без шапки, в длинном пальто. Он стоял, вытянув шею, и глядел на неё. Она вздрогнула от неожиданности.

– Вам что здесь надо? – спросила она через стекло.

Старик ещё вытянул шею, стоял и смотрел на неё. Потом погрозил ей указательным пальцем сухой руки без варежки. Люда отпрянула от окна, задёрнув занавеску. Сердце её отчаянно билось. Заскрипел снег за окном – звук шагов удалялся.

– Ты что? Ты с кем там? – не отрываясь от своих дел, спросили девчонки.

– Испугалась, – ответила Люда. – Старик какой-то под окном ходит без шапки, пальцем погрозил. Девчонки, как вы пойдёте? Вдруг он вас заловит.

– Это не ходить, что старик какой-то пальцем погрозил? – Зинка задиристо вздёрнула брови.

– На несчастье он погрозил, – тихо сказала Люда.

– Брось, Людка. Онанист какой-нибудь в окна заглядывает. Вот мы его с Веркой в сугроб толкнём, – сказала Зина, подходя к окну.

Люда отвернулась, по щекам её текли слёзы. Вера присела к ней на кровать, погладила колено, потом дёрнула занавеску.

– Видишь, дурёха, никого нет. Фокус-покус – смойся с глаз.

За окном ветер разорвал снежные облака, в бездомном чёрном небе засверкали звёзды.

Дом номер шестьдесят три по улице Набережной был разделён на две половины кирпичною кладкой в дверном проёме. В одной его части жила хозяйка – высокая, костлявая старуха, с суровым замкнутым лицом, с тонкими плотно сжатыми губами и глубоко запавшими, в тёмных обводах, глазами. Весь её вид говорил – ох, сколько же я пережила на своём веку, и совсем в душе моей не осталось ни мягкости, ни душевности, ни теплоты. Соседи считали старуху злющей и твёрдой, как кремень.

Другая половина уже много лет сдавалась жильцам. Сейчас там квартировали три девушки – студентки Троицкого зооветеринарного института.

В тот памятный зимний вечер в гостях у хозяйки был некий старик. Его узкое лицо словно вырезано из старого дерева, сухого растрескавшегося, в тёмных провалах глазниц, будто колючки притаились, щёки впалые, глубокие вертикальные морщины бороздили их, редкие седые волосы по краям выпуклого лба едва прикрывали бледные, с синими прожилками виски, на худой, морщинистой шее тоненькая цепочка уходит куда-то под старую фланелевую рубаху.

За окном свистит и гуляет ветер, за окном ничто не мешает ему разбойничать, а в маленькой кухоньке тепло и уютно. Старики пьют, обжигаясь, душистый чай и ведут неторопливую беседу.

– Добротню, добротню раньше строили дома, – говорил гость, шумно отхлёбывая с блюдечка. – Сколько уж лет обители вашей?

– И – и – и, не помню уже, – хозяйка провела тонкой, высохшей, почти прозрачной рукой по лбу. – Много. Вы всегда прямо как снег на голову. А позовёшь, думала, и не дождёшься.

– Не только по своей воле, братья послали, – старик достал огромный белый платок и трубно высморкался, потом вытер раскрасневшую шею и закончил помолодевшим голосом. – Удостовериться.

Старуха укоризненно посмотрела на него и покачала головой:

– В наши ли годы безговым на двор выходить?

– А я не просто на двор выходил, я соседушек ваших смотрел.

Они перекинулись понимающими взглядами.

– Видел, батюшка?

– Видел, сестрица.

Хозяйка, сопя, полезла на лавку, из каких-то закутков извлекла старую, рассыпающуюся книжонку, стянутую тонким резиновым колечком. Сняв его, старуха разложила книжонку на столе перед собой. Некоторые из замусолиных страничек приходится даже не перелистывать, а перекладывать. Видно, что пользуются ею с незапамятных времён. На листочках неровными каракулями записаны то ли чьи-то фамилии, то ли стихи, то ли молитвы.

Старуха нашла меж страниц фотографию, присмотревшись, протянула гостю:

– Эту?

Девушка совсем молоденькая, лет восемнадцати не больше. Лицо открытое и славное, вздёрнутый носик, маленький рот с пухлыми губами, большие глаза удивлённо смотрят в объектив.

– Кажись, она, круглолицая, – кивнул гость.

И продолжил:

– Не просто это, сестра, человека порешить. Ножом убить не просто, а уж духом извести – против естества это. Может Ему одному и под силу или первым ученикам его. Ты как совладаешь?

Старуха молчит, не спешит с ответом, смотрит куда-то в сторону. Потом цедит сквозь зубы:

– Не подъезжай, батюшка, ничего не скажу. Сам увидишь.

– А скоро ли?

За окном хлопает дверь, слышны задорные голоса, смех, весело скрипит снег.

– Ну вот, ушли, – сказала хозяйка, прислушиваясь. – Допьём чаёк да приступим – чего волынить.

Они пьют чай молча, сосредоточенно.

Проходит полчаса.

Старуха убирает со стола, вытирает насухо. Открывает печную заслонку, ворошит в голландке кочергой, неловко ставит её в угол, и она падает с громким стуком.

– Руки-крюки, – ругается старуха, – оторвать не жалко.

Она садится за стол, кладёт перед собой Людмилину фотографию. Меж пальцами зажата большая «цыганская» игла. Лицо хозяйки напряглось, взгляд вонзился в фотографию, руки медленно рисуют круги над столом.

Проходит некоторое время. Движения рук становятся исступлёнными, мелкие судороги дёргают лицо, до неузнаваемости преображают его гримасы. Губы шелестят, шелестят, старуха что-то шепчет – не разобрать. В уголках рта появляются и лопаются белые пузырьки.

В фотографию девушки вонзается игла, пригвоздив её к столу.

Голос старухи прорезается:

– Сейчас безумная боль гоняет её по комнатам, не даёт места....

Безумный вид у самой ворожеи: губы трясутся, в распахнутых глазах горят нечеловеческая злоба и каменная решимость. Движения её рук порывистые, энергичные. Судороги беспрерывно дёргают и изменяют её лицо.

– Она готова разбить себе голову....

Меж трясущихся пальцев каким-то чудом появляется суконная нить. Петля захлёстывает иглу и затягивается.

За стеной приглушённо вскрикнули.

Старик вздрагивает всем телом, привстаёт, пятясь от стола, не отрывая замороженного взгляда от иглы, петли и крючковых дрожащих пальцев хозяйки. Неподдельный страх отражается в его глазах. Он зримо чувствует, как затягивается петля на молодой шее и давит, давит, принося освобождение от пронзительной боли.

– Всё...!

Старуха откинулась на спинку стула и, кажется, лишилась сознания. Глаза её закрыты, на лице ни кровинки, из-под чёрных запёкшихся губ прорывается стон.

В доме воцарилась гнетущая тишина. Где-то по соседству завывала собака.

Подружки возвращались поздно. Морозило. Дорога от театра к дому, на окраину, казалась вечностью. Они спотыкались на обледенелых тротуарах, с трудом пробирались на занесённых перекрёстках. Казалось, конца не будет страшным тёмным улицам с глухими заборами, холодными глазницами окон.

Наконец, когда увидели свой дом, светящий окнами, будто корабль, причаливший к берегу, они побежали, взявшись за руки, оставляя за спиной все свои страхи и радуясь ждущему теплу и бесконечным рассказам о виденном.

Трепель звонка гулко донеслась через запертую дверь. И не сразу, а может после пятого или десятого нажатия на скользкую кнопку, звук его стал казаться незнакомым, странным, раздающимся будто в пустом доме.

– Люда! Людка! Открой, засоня!

Девчата молотили в дверь до боли в костяшках пальцев, стучали в стекла и оконные переплёты. Отчаявшись, поскреблись к хозяйке. Старуха им не открыла, а через дверь прокаркала, что нечего шляться по ночам, и она, наверное, им откажет от места.

– Ой, Зинка, надо милицию вызывать – чует моё сердце, что-то с ней неладное.

Вера плакала от холода и страха и вытирала варежкой слёзы.

Помощник дежурного по городу старшина Возвышаев был неутомимым оптимистом. На его круглощёком, пышущим здоровьем лице всегда сияла солнечная улыбка, по любому поводу и в любой обстановке он мог искренне расхохотаться. Казалось, в жизни старшины были одни только радости и никаких огорчений и неудач.

Жёлтый «уазик» ещё не остановился, а Возвышаев уже открыл дверцу, белозубо улыбаясь, восхищённо присвистнул:

– Та-акие девушки и на морозе!

Но, приглядевшись, сменил тон:

– В чём дело? В дом попасть не можете? Это дело поправимое – стоит ли слёзы лить. Зашли б куда, что ж вы, как сиротки, на морозе....

Был он деятелен, не стоял на месте, никого не слушал.

– Дверь изнутри заперта? Какие проблемы – ломаем. Не хотите ломать – окно выставим. Девчатам показалось, что он сейчас в один миг разберёт дом по кирпичику.

– Хозяйка там.... Спросить надо.

– Ага. Понял, – сразу согласился Возвышаев. – Вы пока в машине погрейтесь. Я мигом.

Старшина обошёл вокруг дома, постучал в дверь, сколоченную из некрашенных досок. Никто не отозвался. Он забарабанил кулаком и решительнее. Наконец звякнула щеколда, на пороге появилась старуха с недовольным и настороженным лицом.

– Разрешите, бабуля, – Возвышаев проник в дом, грудью оттеснив старуху.

– Чего надо-то? – заворчала она в спину.

– Ты чего, Аникеевна, шебаршишь? – навстречу милиционеру поднялся высокий худой старик. – Гостя разве так встречают?

Пододвинул Возвышаеву стул:

– Из милиции?

– Ага. Старшина Возвышаев. – помощник дежурного оседлал стул. – Соседки ваши вызвали – в дом попасть не могут. Вы хозяин будете?

Старик поклонился:

– Кличут меня Мефодичем. В гостях я здесь. А хозяйка вот – Баклушина Анна Аникеевна.

– Другого хода на ту половину нет? – спросил Возвышаев, и на отрицательный кивок хозяйки предложил. – Так я через окно, бабуля? Вы не волнуйтесь: всё будет, как в лучшей квартирной краже – фирма гарантирует.

– Занятная история, – буркнул старик, но как-то невесело.

Старуха, как встала у печи, так и стояла отрешённо и неприкаянно, голова её тряслась, руки дрожали. После слов Возвышаева вскинула на него выцветшие глаза и оцарапала цепким взглядом:

– Я тебя, милок, где-то видела – уж больно лицо твоё знакомо.

– Ну, а я-то вас сразу признал. Вашего зятка по внучке не раз приезжал урезонивать. И сюда, и по новому адресу. ... Шебутной мужик.

– Сейчас, девчата, не тряситесь, – сказал, вернувшись к машине, и шофёру, – Коля, дай-ка отвёртку.

Аккуратно расковыряв замазку и отогнув гвозди, старшина выставил оконную раму, потом вторую. Скинул форменную дублёнку и удивительно ловко для своей комплекции нырнул в окно. Его тень некоторое время мелькала на занавесках. Девчата уже на крыльце были, когда загремел запор. Помедлив, он не сразу отступил в сторону, пропуская их в дом. И вздрогнул, хотя и был к нему готов, от истошного крика:

– Лю-удка-а!

На место происшествия члены следственной бригады собрались недружно. Последним на своей машине прибыл следователь прокуратуры Фёдоров. Он вошёл бодро, по-солдатски размахивая руками. Остановился у порога, оглядывая присутствующих, улыбнулся, показывая крепкие зубы под усами, кивнул, приветствуя, и лишь с капитаном угрозыска Саенко обменялся рукопожатием.

– Здорово, брат.

Молоденький участковый Логачёв или «лейтенант Дима», как звало его опекаемое население от старушек у колонок до семиклассниц на дискотеках, на миг оторвался от писанины, взглянул на вошедшего и подумал, как мало тот похож на следователя. Другое дело – Яков Александрович, эксперт-криминалист. В словах и движениях старшего лейтенанта спокойствие и мягкая уверенность, чему участковый немало завидовал.

К слову сказать, Дима и сам мало походил на лейтенанта милиции – остроносый, с бледным безусым лицом, на котором горели, будто испуганные, тёмные глаза, длинный, нескладный, несмотря на изрядные успехи в спорте. Говорил громко, всегда с жаром, и всё время некстати размахивая руками. Но обладал такой добродушной улыбкой, что сразу располагал к себе. И криминалист Зубков ему однажды сказал, разгадав томления молодой души:

– Ряса ещё не делает монахом. ...

Поболтав с приятелем о занесённых сугробах улицах, в которых едва не увяз на своём «москвичонке», о проказах пятилетней дочки Настеньки, Фёдоров глянул через плечо на Диминову работу – протокол допроса свидетелей, двух притихших, заплаканных девиц.

Потом обратился к Зубкову:

– Ну что у тебя, суицид?

– Да, но между тем, – старший лейтенант покачал головой. – «Есть много друг, Горацио, такого, что и не снилось нашим мудрецам».

– Чего такого? – предвидя спор, Фёдоров насутился и сунул руки в карманы.

Но Зубков, занятый своим делом, промолчал.

Из комнаты, где ещё висел труп, подал голос капитан Саенко.

– Ты, Ларионыч, Якова Александровича слушай: он у нас на хорошем счету, ко всему способный. Так и ловит, где что можно. Только не свернул бы шею как-нибудь – уж больно глубоко в корень зрит.

Зубков и на это промолчал, лишь напряглось его сухое лицо с холодными серыми глазами и большим, как у Щелкунчика, подбородком.

Фёдоров прошёл в спальню, прикрыл плотно дверь, щёлкнул выключателем:

– Так всё это было?

В комнате ненамного стало темнее – белая, светлая ночь глядела в окно.

Наступила пауза. Ярko вспыхивал огонь сигареты у курившего Саенко

– Нет, нет, лампы все горели – так старшина докладывал, – капитан зажёл свет, прошелся по комнате, остановился перед следователем, и вдруг улыбнулся удивительно ясной, подкупающей улыбкой, вмиг преобразившей худошавое, не выпавшееся лицо. – Похоже, мне здесь делать нечего. Всё, что нужно я исполнил, а когда хорошо поработаешь, имеешь право и отдохнуть. Не правда ли, товарищ следователь?

– А что сделал, чего раскопал? – спросил Фёдоров и ласково потрепал его по плечу, но тут же отвернулся и добавил. – Ну, ладно, ладно, Бог с тобой, ничего больше не говори, а то и меня с толку собьёшь.

– Ох, уж эти мне студенты, – Фёдоров внимательно осмотрел висящий труп – восковое лицо, ровные зубы из-под синих губ, растрёпанные волосы.

– Ты помнишь, Саня, того, что в прошлом году в самую светлую заутреню в нужнике удавился?

Саенко пробубнил в ответ:

– Раньше в полицейских отчётах об этом просто писали: «Лишение себя живота в припадке меланхолии». А впрочем, как говорит Зубков: вспомним поэта – «... надёжней гроба, дома нет».

– Эй, лейтенант, а ну-ка помоги, – позвал Фёдоров.

Тут Дима Логачёв поймал себя на том, что внимательно прислушивается к разговору старших товарищей, и совсем оставил своё дело. А девушки, чьи показания он, шевеля губами, тщательно записывал на служебном бланке, довольно долгое время сидят молча и смотрят на него.

Оставив протокол, он прошёл в спальню. По знаку Фёдорова обхватил неживые ноги девушки, приподнял. Саенко, встав на табурет, освободил голову от петли. Труп понесли на кровать. При этом голова с белым, как воск, лицом заваливалась назад, и Дима поддерживал её широкой ладонью. После этих прикосновений Логачёву стало не по себе, захотелось выйти на морозный воздух.

Закончив с протоколом, участковый спросил у следователя разрешения допросить хозяйку дома.

– Сходи, – буркнул Фёдоров, пожав плечами.

Долго стоял на крыльце, долго старуха ругала его через дверь, пока поняла, кто он и зачем пришёл. Загремела засовами, чертыхаясь. Хозяйка ещё не открыла, ещё не показала свою личину, а Дима уж питал к ней полную неприязнь.

Когда увидел морщинистое лицо, седые космы, выбивающиеся из-под платка, подвязанного узелком на лбу, ещё больше утвердился в первоначальном впечатлении. Сухой и высокий старик ему понравился. «Видать, полным ковшом хлебнул горя в своей жизни», – подумал он, взглянув на глубокие морщины лица.

Старуха, прильнувшая спиной к печке, заворчала сердито:

– Прикрой плотнее дверь-то – тут швейцаров нет. Всю домину выстудили – там ходят, тут ходят, а я топи.... Говори, чего пожаловал?

Щека её так резко дёрнулась нервным тиком, что обнажились редкие жёлтые зубы.

– Здравствуйте, – сказал Логачёв.

– Здоров, соколик, – отозвался старик. – Аль кого ищешь?

– Несчастье тут, у ваших квартиранток. Поговорить нужно, записать – может, слышали чего.

Всё время, пока участковый писал протокол свидетельских показаний, в маленькой кухоньке между тремя присутствующими в ней людьми витала какая-то мрачная напряжённость. Логачёву опять стало тяжело на душе и душно в помещении. Слушая трескучий голос старухи, он торопился окончить формальности и уйти.

Когда Дима записывал, его собеседники философствовали:

– Люди всегда недовольны тем, что имеют, а когда не добьются, чего хотят, – старик кивнул на стену, – вот он выход.

И хозяйка ворчала:

– Себя не пожалела... А родителям-то каково?

Было не очень холодно: с юга накатывал тёплый ветерок. Солнце висело низко, окрашивая снег в мрачный, красноватый цвет, а небо было огромным и серым. Дима Логачёв шёл своими сажеными шагами через привокзальную площадь и мысленно ворчал: «Что тебя тащит сюда? Сострадание? Сострадание – плохой утешитель».

Узнал он, что приехал отец повесившейся студентки и закатил в горотделе скандал. Его, видите ли, не устраивает официальная версия самоубийства – должно быть, честь фамилии страдает. Ребята разыграли маленький спектакль, в котором майор Филиппов из паспортного стола сыграл роль грозного начальства, и выпроводили шумливого посетителя на вокзал под надзор сотрудников транспортной милиции. А зачем Дима сюда плетётся? Стыдно стало за коллег? Получить свою порцию упрёков и оскорблений?

В линейном посту в одиночестве скучал сержант Хорьков.

Лицо Димы просветлело:

– Уехал?

Хорьков молча распахнул дверь в зал ожидания и кивнул на одиноко сидевшего мужчину с шапкой на коленях, бледного, с лысиной во всю голову, в сером демисезонном пальто.

– Ну, помогай Бог, – сказал Дима, направляясь к приезжему.

Сумрачный взгляд не задержался на участковом – прошил его насквозь.

Дима представился, поздоровался.

– Теперь домой? А куда?

– Увельские мы.

Голос мужчины был хриплый и невыразительный.

Накричался, бедолага, подумал Дима, а вслух сказал:

– Это я вашу дочь в морг отвозил, и из петли вынимал, – Логачёв сел рядом, широко расставив длинные ноги, опустив между ними сцепленные ладони. – Если интересуют какие подробности, я расскажу.

Приезжий встрепенулся от дремотной отрешённости и с любопытством взглянул на лейтенанта.

– Я с этим несчастьем словно сам голову потерял.

– Так всегда бывает, когда уходит из жизни близкий человек, – смущённо сказал Дима. – Как будто частичка нас самих уходит вместе с ним.

– И всё-таки я не верю, – мужчина стукнул себя кулаком по колену. – Что хотите со мной делайте – не верю.

Логачёв ответил не сразу, перед глазами зарябили строки предсмертной записки, оставленной покойной: «Мама, папа, меня не вините (последние три слова зачёркнуты) простите меня. Больше так не могу. Люда».

– Она написала, что хочет умереть.

– Ты тоже так думаешь? А не думаешь, что она хотела жить несмотря ни на что? Не думаешь? – мужчина на миг распалился, потом махнул безнадежно рукой, утёр слезу и отвернулся.

– Не знаю, – растерялся Дима. – Может быть. В жизни всё может быть, и такое, что невозможно понять и объяснить общепринятыми мерками. Как вы считаете?

– Я никак не считаю. Я знаю свою дочь. Она была нормальным ребёнком, любила жизнь и жила ещё, если б не попала в этот проклятый дом, к этой баптистке. Ты, лейтенант, видел старуху?

Логачёв молча кивнул. Он отлично помнил злобную хозяйку дома. Её морщинистую, как у черепахи, шею и такие же, без ресниц, веки, и подумал, как несправедлива жизнь – старуха будет коптить небо ещё много лет, а молодой, красивой девушки уже не будет на этом свете никогда.

Он посмотрел на собеседника не только с сочувствием, но и с пониманием. Ведь он и сам так думает – что-то в этом деле не срастается, нет логической стройности в официальной версии. Как может здоровая, красивая, успешно обучающаяся девушка, лишь немного прихворнувшая, наложить на себя руки, не имея к тому ни повода, ни причин? Или это убийство? Но тогда – кто, за что и как?

Дима встрепенулся, увидев в трясущейся руке приезжего початую бутылку водки с пробкой из газеты, и почувствовал к незнакомцу что-то вроде жалости. К сердцу подступило саднящая боль, какую ощущает человек, вернувшийся с похорон близкого и уже взявший себя в руки, но вдруг увидел что-то из вещей покойного, и защемило в груди.

Мужчина хлебнул, заткнул пробку, сунул бутылку в карман пальто.

– Ничего не помогает, – сказал он с кривой усмешкой, а потом с горечью продолжил. – На вскрытии установили – «девушка честная». И я никак не могу увязать эти два понятия вместе – «девушка честная» и «самоубийство». Не знаю, как умерла моя дочь, но уверен – без посторонней силы здесь не обошлось.

Он вскинул взгляд на Диму:

– Заклинаю тебя, лейтенант, найди убийцу моей дочери. Всю жизнь тебе не будет покоя, если сейчас уйдёшь и забудешь мой наказ. Так не должно быть, чтобы мой ребёнок лежал в земле, а его убийца злорадствовал. Слышишь, лейтенант? Найди его обязательно....

Дима Логачёв считал, что милиционерам и журналистам в жизни повезло. Тем, конечно, кто любит свою профессию – можно заниматься любимым делом круглые сутки, даже за обедом и во время сна. Пообещав родителю несчастной студентки сделать всё, что в его силах, он решил тут же посоветоваться с лучшим другом и наставником.

Зубков Яков Александрович, суховато-официальный на работе, в домашней обстановке выглядел человеком благодушным, разговорчивым, гостеприимным.

– Я тебе сразу скажу, что тут дело не простое, ибо в наши дни ни одна разумная девушка не покончит с собой из-за того, что ждёт ребёнка, или её бросил кавалер, если только её не приучили всю жизнь полагаться на кого-нибудь, а этого кого-то не оказалось рядом в критическую минуту. Но в данном случае нет ни ребёнка, ни ухажёра, так, по крайней мере, утверждают её подружки. А что есть? Скажу, как специалист. Заметил ли ты, что стояк – труба отопления, на которой крепилась веревка, была нестерпима горячей, а подставок близко не было. Конечно, если ты под поезд решил, то тебе всё равно – холодные ли рельсы или нет. Но, однако ж, зачем себя истязать? Не проще ли табуретку поставить, а потом ножкой – раз! – и виси на здоровье...

– Ну, так что ж ты? – встрепенулся Дима.

– А что я? Я в заключении написал. А спорить бесполезно – Фёдоров, ты же видел, был настроен на суицид, другие версии ему по барабану. Он вообще всегда отмахивается от моих доводов, я уже привык и не высываюсь. Логика его железная – мол, девушка была не в себе, и в таком состоянии трудно ожидать от неё разумных поступков. И главный козырь – письмо: почерк-то её. Правда писала как-то с выкрутасами.

Участковый опять встрепенулся, как болельщик на трибуне, но Зубков опередил его вопрос:

– У Фёдорова и на это есть объяснение, всё то же – девушка не в себе.

Насладившись Диминым потрясением, Зубков сел поудобней, закурил и продолжил тихим повествовательным тоном:

– Я сразу почувствовал, что здесь что-то кроется: разбросанные повсюду шпильки, записка, зачёркнутая строчка и, наконец, горячая труба – всё это имеет свой смысл. И я хотел, как можно более тщательно воссоздать для себя то состояние, в котором могла быть девушка в последние свои минуты. Мне нравится упражнять ум. Но когда алгоритм не складывается, это досадой отравляет душу, лишает элементарного покоя и комфорта. Это всё равно, что трогать языком больной зуб. Вот такие, брат, муки.

– Ты подожди про зуб, – нетерпеливо перебил Дима. – Кого ты подозреваешь?

Зубков обиженно поджал губы, пустил кольцо дыма, заговорил после паузы:

– Чтобы изложить все этапы моих размышлений, потребовалось бы исписать горы бумаги. Я пытался найти что-нибудь общее, что-нибудь связывающее эти несколько подмеченных мною алогизмов. Я ставил себя на её место. Шаг за шагом, десятки предположений, и все лишены смысла и логики. В такой же тупик зашёл, когда пытался развить версию умышленного убийства. Как Робинзон Крузо, о плохом и хорошем с ним случившемся, записал, разделив на две графы, все имеющиеся улики – самоубийство или убийство. Ни один день промучился – ничто не перевесило. И в результате – ноль выводов. Тогда разорвал всю писанину и успокоился Фёдоровским – самоубийц не разберёшь.

– И на чём же ты остановился? – Дима сидел, расставив локти на столе, упёршись подбородком в сцепленные ладони, а взглядом в Зубкова.

– А ни на чём. Я сам себе поставил вечный «шах» – патовая ситуация.

– Так я тебе вот что скажу, – рубанул ладонью воздух лейтенант. – Старики эти и грохнули квартирантку. Руки выкрутили, заставили предсмертную записку начеркать, а потом в петлю засунули. Влезли к ней через подвал, так же и ушли. Ты видел, дом какой высокий – у него должен быть подвал. Ведь мы даже под половиками лаз не посмотрели – все Фёдорова слушались. А?

– Я почти уверен, что именно всё так и было, – Зубков насмешливо посмотрел на приятеля. – Эх, Дима, Дима, бедная, романтическая душа. Тебе детективы писать – то-то были бы бестселлеры!

Но участковый пропустил это мимо ушей, он загорелся:

– Послушай, на что Фёдоров упирает? Её записка? Но там прямой намёк на убийство: «меня не вините». Она имела в виду кого-то, виноватого в её смерти. Они поняли её уловку и заставили зачеркнуть. Выхода у неё не было. Фёдоров прав, когда объясняет сбивчивый тон записки эмоциональным напряжением, но это отнюдь не стресс самоубийцы. Мы, Яков Александрович, стоим перед фактом насильственной смерти.

– Этого, может быть, достаточно, чтобы убедить тебя, но отнюдь не достаточно, чтобы заставить прокурора возбудить дело о насильственном убийстве. Тем более, Фёдоров против меня предубеждён, а тебя вообще слушать не захочет. Поэтому я намерен отложить этот случай у себя в памяти, как шахматный этюд, и на досуге поломать над ним голову. А тебе не советую соваться в полированные двери персональных кабинетов. Так что, не беспокойся, не бесись, не суетись и не вздумай заниматься частным сыском, а допивай своё пиво, и идём смотреть футбол.

– Как ты можешь так спокойно пить пиво, смотреть телевизор, зная то, что ты знаешь?

– Жизнь, брат, всему научит.

– Но я не таков – меня ещё не учила жизнь. Будь уверен, я сидеть не буду. Я сейчас пойду и что-нибудь натворю.

– Сиди, – сурово сказал Зубков. – Что ты удумал?

– Пока не знаю. Наверное, пойду к старухе, скажу, так, мол, и так – я тебя подозреваю, давай колись, как ты жиличку замочила.

– Ну, разумеется, твой приход и решительный натиск собьют старуху с толку – она растеряется и покается. Да она тебя на порог не пустит – скажет, ордер, мильтон, давай. А ордер тебе в прокуратуре так и дали. Держи карман. Захотят они, чтобы какой-то лейтенант-выскачка их заслуженного следователя мордой да в дерьмо. Нет, брат, все твои движения заранее обречены на провал. Уж я-то знаю.

– Забыл? – я участковый, вхож во всяк и куда угодно. По крайней мере, отсиживаться на диване и ломать голову не собираюсь.

Зубков обиженно поджал губы, смерил собеседника взглядом.

– Участковый детектив, – покачал он головой. – Троицкий Анискин. Вот уж не думал, что доживу до такого дня. У тебя на Ватсона вакансий нет?

– Нет, – хмуро отозвался Дима.

– Я так и думал, что моя репутация покажется сомнительной. Что ж, желаю удачи.

Расстались они холодно.

После разговора с Зубковым лейтенант Логачёв ещё несколько дней ходил в сомнениях, не зная, как взяться за задуманное, с какой стороны подкатить к старухе, чтобы выстрелило наверняка, чтобы не случилось осечки. Думал, думал и решил побеседовать с подружками погибшей студентки.

Искал обеих, но нашёл только Веру, нашёл в институте. Они спустились на лестничную площадку, беседовали, стоя у окна. Вверх, вниз сновали студенты. Девчонки с интересом поглядывали на долговязого лейтенанта, подмигивали Вере. Она краснела и сбивчиво рассказывала:

– Мы с того вечера у бабки не живём. Мне комнату в общежитии дали, а Зинка со мной нелегально. Спим на одной кровати.

Дима представил, как девушки, обнявшись, спят на узкой кровати. Вспомнил свою, широченную, и спальню вспомнил в родительской трёхкомнатной квартире. Но не сочувствие кольнуло его сердце, а зависть к Зине. Вот бы с кем он махнул, не глядя – скромница Вера ему определённо нравилась.

– Ой, а вы знаете, – вспомнила Вера и, разволновавшись, взяла лейтенанта за широкую кисть. – На другой день, когда мы свои вещи забирали, бабка на нас смотрела, чтобы мы её не прихватили. Тут прибежал мальчишка – правнук бабкин. Посмотрел на нас и говорит: «Баба, это та тётя, которая умерла, фотографию мне дала». Вот скажите, зачем Людке дарить свою фотку какому-то сопляку?

Дима не ответил, уселся на подоконник, вытянув длинные ноги.

– А как вы думаете, зачем старухе убивать своих квартирантов?

– Не знаю, – пожала плечами Вера. – Это, может быть, случай, что Людка дома осталась, а может быть, подстроено всё. Забыла я сказать – когда мы собирались, старик какой-то в окно заглядывал, Людку напугал. Возможно, их там целая секта.

– Возможно, – согласился Дима и снова подумал о том, какая Вера красивая, и как он завидует спящей с ней Зинке.

К старухе Баклушиной он пришёл в конце следующего дня.

Солнце красиво садилось за рекой, отражаясь в заледенелых окнах – будто свет зажёгся.

Вот и краснокирпичный дом с высоким крыльцом, занесённые снегом ступени сбегает к самому тротуару. Это половина сдаётся квартирантам. К старухиному жилью вход через калитку в заборе, широким, скупой убранным от снега двором и таким же высоким крыльцом к дощатой двери.

Дима постучал, подождал и толкнул её. Через холодную прихожую и ещё одну дверь, наконец, попал на кухню. За столом сидел мальчик лет восьми и готовил уроки. Хозяйка стояла у печи, спрятав за спиной руки, и, не мигая, смотрела на вошедшего.

– Ребёнка-то глазами чего сверлишь? – вместо ответа на Димино «здрасьте», проворчала Анна Аникеевна.

– Баб, ты что? – мальчик вскинул голову. – Ты что такая хмурая? Тебе дядя не нравится?

– Пиши, пиши, дядя сейчас уйдёт.

Дима собирался с мыслями, не зная, как начать разговор. Старуха помалкивала, будто знала всё наперёд. Мальчик вновь уткнулся в тетрадь. В трубе гудел огонь, пощёлкивал уголь в печи, теплота разливалась по кухне.

– Вы, по всему виду, люди деловые, да и я не бездельная. Говори, чего пришёл, – старуха произнесла это довольно миролюбиво.

– Участковый я ваш. Пришёл посмотреть – как житьё-бытьё, не обижает ли кто. Вижу, квартирантки ваши съехали, новых не ищете?

– Тебе постоять что ль нужен?

– Да нет. Меня всё сомнения гложут на счёт самоубийства жилички вашей. Не верится, чтоб она сама себя того. Может, помог кто? Вы-то по этому вопросу что думаете?

– А ты наган свой достань, попугай меня, старуху, или вон мальчика.

– Не опер я с убойного, гражданочка, а участковый – к людям без оружия хожу.

– Хитрый ты, участковый, но хитрость твоя вся снаружи лежит, не глубокая. Ты спрашивал, мы сказали, ты записал – какого рожна ещё-то людей смущать. Выслужиться хочешь?

– Кто не хочет? У тебя, бабка, где в погреб лаз? Здесь? – Дима каблуком постучал в пол. – А задери-ка половику, хозяйка.

Хозяйка, проявив нестарческую прыть, вооружилась кочергой и с ней наперевес подступила к Логачёву:

– Уходи, мильтон, подобру уходи, а то отгвоздаю.

– Баба! – испуганно вскрикнул мальчишка.

Дима попятился, выставив руку для защиты:

– Ну, ну, гражданочка, зачем такие крайности? Вон мальчика напугали. Успокойтесь, я уже ухожу, ухожу.

Но уходить он и не собирался. Вышел, спустился с крыльца, оглядел двор. Теперь только заметил собачью будку и добродушную лохматую мордочку в ней. Ветхий сарай в глубине двора, но к нему и тропинки нет – девственный снег. Пошёл вдоль дома по чищенной дорожке. Должен, должен быть подвал за этим высоким, литым из природного камня, фундаментом, и вход в него должен быть.

А вот и он! И окно рядом со ставней на петлях – должно быть, люк для угля. На двери в подвал замок, сверху спускается провод, ныряет в щель. Проследив его путь, Дима встретился со злобным взглядом Анны Аникеевны Баклушиной. Старуха бесновалась у окна и через стекло грозила кулаком. Участковый погрозил ей пальцем.

«Семь бед – один ответ», – подумал лейтенант, взял в ладони леденящий пальцы замок и рванул. Замок не поддался, но шевельнулась петля в косяке. Ещё один мощный рывок, и она выскочила из гнезда, освободив дверь от запора. Дима распахнул дверь, пригнул голову, сделал шаг и услышал хруст снега за спиной. Мальчишка кубарем скатился с крыльца, на ходу застёгивая шубейку, выскочил в калитку.

Лейтенант вошёл в подвал, нащупал выключатель, щёлкнул им. Свет загорелся сразу в двух местах.

Подвал был внушительным, во всю длину большого дома. Прямо у входа под люком короб, сколоченный из досок, наполовину заполненный углём. Всякий хлам тут и там. И, наконец, то, что искалось – две лестницы, упёртые в скобы под люками. Одна близко – это,

наверное, на хозяйкину половину. Дима пошёл к дальней. По расчётам здесь должна быть та половина дома, которая сдаётся квартирантам. Испытав лестницу на прочность, участковый медленно поднялся по ней, упёрся спиной в люк. Он легко приподнялся, но дальше шёл с трудом. Наконец что-то грохнулось на пол, люк откинулся, а на Диме повис край половики.

Заложив руки за спину, Логачёв прошёлся по комнатам. Вид их не очень изменился. Должно быть, немного было вещей у студенток. Кровати стояли заправленные, на окнах всё те же занавески, пол застелен самоткаными дорожками – половиками. Вот и злополучный стояк. Дима потрогал – горячий, невтерпёж.

Ай да Яков Александрович, всё подметил.

Участковый попытался представить картину преступления. Спустились там, поднялись здесь старик со старухой, придушили спящую девушку до полусознания, чтоб не сопротивлялась, заломили руку, заставили написать записку и совсем укокали, а потом мёртвую или полумёртвую сунули в петлю. С трудом в такое верилось, но могло быть.

Во что совсем не верилось, так это мотив убийства. Ну, зачем старикам убивать девушку? Сектантское жертвоприношение? Если корысть, то результат-то обратный – квартирантки бежали, хозяйка потеряла доход. Найдёт ли новых жильцов – не известно.

Думай, Дима, думай.

Логачёв остановился перед зеркалом:

– Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи – ты здесь главный свидетель, всё ты видело, а молчишь. Не хорошо. Надо бы тебя привлечь за укрывательство.

Однако, сколько не бодрись, а перспектива вызывает безрадостная. «Ну и что? – скажет Фёдоров. – Я об этом подвале и без тебя знал. И про люк не сложно догадаться. Где улики преступления? А главное – мотив?»

Рассуждая сам с собой, то вслух, то мысленно, Дима блуждал в полумраке комнат. Внезапно почувствовал какое-то странное, необъяснимое волнение. В чём дело? Что это с ним? Прислушался, огляделся. Нигде ничего.

Включил свет во всех комнатах: он и в тот вечер так горел. Присел к стене на табурет, чтобы не иметь за спиной свободного пространства. Немного вроде успокоился. Посидел, собираясь с мыслями, но необъяснимая тревога вновь шевельнулась в душе. Словно внутренний сторож приметил что-то и предупреждал – опасность, Дима, будь начеку! Участковый даже поёжился от скользнувшего по спине холодка. «Нервишки, – решил он. – Устал, есть хочется, весь день в напряжении, вот и мерещится».

Сидеть без движения было неудобно, ноги затекли. Дима встал, прошёл к окну. На улице совсем стемнело, зажглись фонари. «Ничего здесь не высидеть, – подумал. – Надо выбираться».

Показалось, будто ветерок ворвался в комнату – качнулись занавески. Дима обернулся и вздрогнул от увиденного. Здоровенный бородатый мужик стоял, прислонившись к дверному косяку, второй, как две капли воды, похожий на него, вылезал из люка в полу. «Близнецы что ль?» – подумал лейтенант.

– Что ж вы, ребята, не постучавшись? – Дима хотел улыбнуться, но голос подвёл его, засипел, а улыбка вообще не получилась – гримаса какая-то жалкая.

Первый молча ждал, с угрюмым любопытством разглядывая лейтенанта. Второй вылез, попутно сдёрнул с крюка полотенце и, встав рядом, крутил из него верёвку.

«Вот так они и девушку, – подумал участковый. – Но ведь я не девушка. Не повезло вам, ребята».

– А вот и наш герой! – Яков Александрович распахнул дверь квартиры перед смущёнными Димой и Верой. – Линда, встречай гостей.

Из кухни выглянула жена Зубкова:

– Здравствуйте. Яша, поухаживай за дамой, только не слишком назойливо – оставь свои ментовские шуточки.

– А что плохого в дурном вкусе? Когда кругом тугодумы – себя уважаешь, по контрасту. Я лично встречал людей, которые дружат исключительно с теми, кто проще и глупей. Ты тогда – и знать, и талант. Верно, Дмитрий?

И к Вере:

– Я только на вас и надеялся. Дима-то, наверное, по грудь обложился книгами по херомантии.

– Яша! – крикнула из кухни хозяйка. – При девушке-то выбирай слова.

– Я хотел сказать, большой специалист растёт по всяким там магиям. Намедни мне такое рассказывал.... Слушай, Фёдоров на допросы тебя не приглашает подследственную гипнотизировать? Ну, это он зря – промашку делает.

– Яша, ну нашёл ты тему, – Линда вышла с дымящимся пирогом на противне. – Помоги лучше порезать.

Зубков взялся за нож:

– А что, я ничего. Диме вот завидую – в одночасье стал героем, грозой преступного мира. Тут корпишь, корпишь, а годы всё равно звёзды обгоняют.

– Не знаю, преступник, по-моему, это дикое, грубое, страшно грязное, одним словом, во всех отношениях неприятное существо, – сказала Вера. – А Баклушина хоть бабка злющая и вредная, но в быту чистюля, правнучонка своего любит и болезни заговаривает. Она Людку от ангины почти что вылечила.

– Эх, Верочка, образ, который вы создали – это скорее хулиган, бомж, изгой какой-нибудь. А настоящего преступника отличает совсем другой набор качеств – осторожная поступь, затаённый страх в глазах, до предела натянутые нервы, готовые лопнуть в любой момент.

– Верно, я говорю? – Зубков подмигнул участковому.

Дима улыбнулся растерянно.

Линда поспешила ему на помощь. Она была белокурой миловидной латышкой, говорила с лёгким и красивым акцентом. Зубков очень любил свою жену и часто напоминал: «Моя жена родом из Латвии», будто стесняясь своих чувств и оправдывая своё нежное к ней отношение. Её главным достоинством был дружелюбный характер. Те, кто хоть раз побывал у Зубковых в гостях, уносили в душе самые благоприятные впечатления и мечтали повторить визит. Её улыбка была трогательна и наивна, но за красивой внешностью блондинки скрывался проницательный женский ум.

– Расскажите нам, Дима, как вы справились с этой бандой?

– Ну ж, лейтенант, попугайте дам, – подзадоривал Зубков. – Начни так: ночью в этом доме из углов доносятся всхлипы. Лейтенант Логачёв, бродя в полумраке комнат, прислушивался к подозрительным шорохам. В них таилась угроза....

Зубков явно перегибал. Чувствовал сам – не о том говорит, не так говорит. Чувствовали это его жена и Дима. Улыбнулась одна Вера.

Между тем, хозяйка накрыла стол белой скатертью. Появились рюмки, фужеры, графинчики, столовые приборы. Усаживались торжественные, серьёзные.

– А хозяйку свою, бабку Баклушину, вы, Верочка, теперь не узнаете. – Зубков, стоя, наклонившись через стол, наполнял рюмки. – Фёдоров её до того спрессовал, что она заикаться начала. Под ногтями у неё теперь чернозём, и роет она ими своё бедро, будто у неё там клад.

– Страшно, – сказала Вера. – Страшно, когда убивают человека. Страшно, когда опускается человек.

Зубков стал серьёзным очень, сел, кончив разливать:

– Я не подросток, но мне тоже страшно. Ведь их там целая организация – какая-то ассоциация колдунов чёрной магии. Мотив, Димон, который ты так тщетно выдумывал, прост до банальности. Выпендриться хотела Анна Аникеевна перед своими коллегами. Чтобы раз – и в

ведьмины дамки. Люду придушили её сообщники, а разыграла так, будто силой чёрной души своей загнала девушку в петлю.

– Что же мы всё о мрачном, – Линда подняла рюмку. – Разве для этого собрались?

Зубков снова встал, в руке рюмка, вздохнул полной грудью, припоминая тост, а сказал о другом:

– С Питера к бабке на защиту адвокат прикатил – прощелыга ещё тот. Гляди, чего накапает – преступников выпустят, а Диму на их место.

– Почему? – округлила глаза Вера.

– А модно сейчас – улики, добытые незаконным путём, не являются доказательством.

– Яша, – Линда легонько постучала вилкой о рюмку. – Пирог стынет.

Ночь, кладбище, кошмары

*Человек всегда был и будет самым
любопытнейшим явлением для человека...*
(В. Белинский)

Эту историю в разное время рассказали мне незнакомые между собой люди.

Поставив точку в конце Ханифкиного повествования, я перечитал и обеспокоился – не всё в ней вяжется и стыкуется. Упущен самый драматичный момент – визит на кладбище бравого прапорщика и пальба из пистолета. Хотел было отложить написанное до лучших времён, но пришла мысль – быть может, после публикации ещё кто-нибудь из участников событий откликнется, объявится и расскажет свою версию той кошмарной ночи, иль дополнит уже известное. Итак....

Рассказ Антона Семченко

Этого парня я знал давно, но никогда не имел желания сойтись с ним поближе. Раздражали его панибратские замашки, плоский юмор, неуёмное желание выпендриться. Он плохо учился в школе, не служил в армии и, окончив где-то какие-то краткосрочные курсы, работал кем-то на комбинате хлебопродуктов «Злак». Поэтому я относился к нему с настороженным недоверием, когда судьбе стало так угодно, чтобы именно мне первым пришлось искать его общества. Недостаток умственного развития мешал ему постигнуть мою брезгливую отчуждённость. Он принимал меня за интеллигентного хлюпика и с удовольствием брал под своё покровительство. Естественно, я тяготился такими отношениями и мечтал о том дне, когда услуги этого парня мне будут не нужны. Уж тогда я непременно и с великим удовольствием покажу ему, чему обучался в профессиональной школе боевых единоборств. Я мысленно видел его распростёртым на земле и слышал свой саркастический голос:

– Мне очень жаль, старик, что у тебя по этому поводу могли существовать какие-то иллюзии.

Насколько сам он был хамоватым парнем, настолько же услуги его для меня носили деликатный характер. Дело в том, что Виктор – его звали Гордеевым Виктором – имел подружку, девушку очень накрашенную, шумливую, нравственность которой вызывала большие сомнения. А эта девица – Люда Карасёва – как соседка и бывшая одноклассница, могла запросто, в любое время войти в заветную для меня дверь. Эта дверь скрывала моё счастье....

Девушку звали Люсей. Аккуратная фигурка, прямые волосы до плеч, чистое личико, ясные глаза, губки бантиком, ямочки на щёчках – она была неизменно свежа и приятна, как свеж и вкусен бывает деревенский воздух в начале лета.

В городе девушки другие. В городе их красота от нарядов и косметики. В городе короткая юбка на красивых ножках шокирует сердце, не ласкает.

Мне показалось, вокруг стало тихо, и солнце вздрогнуло за окном, когда, улыбнувшись, она спросила:

– Ваша фамилия, больной?

Люся училась в медицинском институте, а летом подрабатывала в регистратуре районной больницы. Я ничем не болел, был тоже на каникулах и тоже гостил в родном доме.

– А ваша?

Так мы разговорились. Я пригласил её в кинотеатр.

– На какой сеанс? – поинтересовалась она.

– Будет ещё светло.

– У меня папа очень строгий – бывший военный. Так что живу по режиму – в десять отбой, – сказала она с милой улыбкой и совсем без горечи, а скорее с гордостью за своего сурового родителя. – Дружить с ребятами не разрешает. Говорит, сначала диплом.

Увидев мою растерянность, тут же добавила лукаво:

– У меня есть подружка...

Познакомившись с подружкой, я сошёлся и с Виктором Гордеевым. Мой путь на свидания с любимой девушкой теперь начинался от его дома.

По дороге к Людке Карасёвой он рассказывал о своих любовных похождениях, отличавшимся чрезвычайным многообразием. Несмотря на свой скудный словарный запас, в разговорах о сексе и женщинах он вдохновлялся настолько, что в его рассказах появлялись поэтические нотки о лунном свете и звёздном небе над головой. Звучало это довольно романтично, если б не сопутствовало пошлости.

Последний луч невидимого уже за горизонтом солнца царапнул низкие облака и скрылся. Его исчезновение следовало отнести, примерно, к двадцати трём часам местного времени. Начало темнеть, кое-где на столбах зажглись редкие фонари. Высоко над посёлком беззвучно пролетел самолёт. Красный сигнальный свет его был похож на раскалённую и бесконечно далёкую планету, совершающую свой космический полёт в чьём-то фантастическом сне.

Мы шли знакомыми проулками, и Виктор рассказывал, как отец-пропойца учит его жить и копить деньги на жизнь. Остановились у дома с высоким крашеным крыльцом под навесом.

– Подожди меня здесь, – сказал Виктор и исчез за дверью.

Я поднялся на крыльцо и присел на перила. Лето уже вступило в ту критическую пору, когда комары не бросаются стаями остервенело на кого попало, а спокойно, присмотревшись, садятся и, не торопясь, принимают за своё пиршество. Хочешь бей их, хочешь, гони, а хочешь – терпи и наблюдай, как они надуваются кровью и, бывает, лопаются от своей жадности. Я шлёпнул одного на щеке, и звук гулко разлетелся по пустынной улице – на закате слышится далеко.

Гордеев долго не появлялся, и мне поневоле приходилось думать о нём. Среди местных девушек Виктор, как я понял, слыл философом. Прослыть Сократом в сельском посёлке парню после городских курсов, конечно, не сложно. Но Гордеев действительно любил порассуждать о смысле жизни и превратностях судьбы. И под ногтями у него всегда было чисто, хотя для меня это не было решающим. От таких, как он, считал я, можно ожидать всего. Вслед за разговором об истине в вине, он мог походя оскорбить, схватить в пылу спора за грудки, ударить по голове бутылкой. Меня пока не трогал, на его счастье.

Открылась дверь, и на крыльцо вышли Люда с Гордеевым. Судя по его нетвёрдой походке, Виктор в гостях времени даром не терял.

– Однако, вы долгонько, – недовольно буркнул я.

– Не скими, старик, – он толкнул меня кулаком в плечо. – Никогда ни одной минуты не тратить даром – таково моё правило.

– Похоже, выпил ты немного больше, чем следует. А ты, Люда, надеюсь, без запашка?

– Слишком много задаёшь вопросов, студент. И знаешь, почему? – Люда, похоже, тоже была «под мухой».

– Да?

– Потому что он по натуре подкаблучник! – хохотнул Гордеев. – А девушки таких не любят.

– Да, подкаблучник и размазня, – подтвердила его подружка. – Тебе давно бы уже следовало понять, что Люська не про тебя и избавиться от всяких чувств. Таких девушек берут напором и сразу, а ты в глазки заглядываешь, ожидая подачки.

– Постараюсь, – вздохнул я – очень не люблю спорить с пьяными.

– Уж сделай такую милость, друг, – Гордеев хлопнул меня по плечу. – Найди себе подружку-дурнушку, которая на тебя клюнет.

Похоже, эти двое хорошо дополняли друг друга. И уж во всяком случае, оба меня глубоко презирали.

Плевать!

Людка ушла за Люсей, а Виктор стал рассказывать, как несколько минут назад мямл её голые груди. Я не смог скрыть своего удивления. Этот парень, с тёмными азиатскими глазами, всё время меня поражал своими непредсказуемыми поступками.

– Ты что, старик, не веришь?

– Да нет, – с дрожью в голосе сказал я. – Просто успел пообвыкнуться к вам, полюбить даже и теперь удивляюсь, с какой лёгкостью один из вас продаёт другого.

– Никто никого не продаёт. Девушки, они для того и нужны,... или нет? Впрочем, ты – чокнутый. Хочешь, на сегодняшний вечер бабами махнём – я твою недотрогу вмиг уломаю, а тебя Людка кое-чему научит. Ты думаешь, она почему на тебя нападает? Нравишься ты ей – сама говорила – вот и злится, что ты по Люське сохнешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.